

жится своею ко всему нечувствительностью и что иногда доходить нужда до его способностей, другими незамѣняемыхъ“.

Кончиною императрицы Екатерины все измѣнилось. Есть основаніе считать вѣроятнымъ, что Безбородко при этомъ случаѣ оказалъ чрезвычайно важную услугу Павлу Петровичу ¹⁾. Къ сожалѣнію, въ письмахъ Завадовскаго нѣтъ ни малѣйшаго намека на этотъ важный вопросъ. За то мы изъ этого источника узнаемъ о томъ, какое видное мѣсто занималъ Безбородко въ самое первое время царствованія Павла. Завадовскій писалъ къ графу Александру Романовичу Воронцову 11-го ноября 1796 года: „Побуждаюсь чистымъ усердіемъ къ тебѣ, по сношенію съ гр. Алекс. Андреевичемъ, спросить тебя, не имѣешь ли желанія войти въ службу и какого мѣста желаешь, считая себя сходнымъ? Государь къ графу Александру Андреевичу безпредѣльно милостивъ; онъ теперь одинъ и полный министръ, представленіемъ его внемлетъ отлично, и, безъ сомнѣнія, и на твой жребій преклонится: но, не зная твоей воли, поступить на то неудобно“, и пр. Также Завадовскій писалъ въ сентябрѣ 1797 года: „Князя Александра Андреевича кредитъ незыблемъ, онъ одинъ отлично уважается“. Затѣмъ, однако, говорится о болѣзненномъ состояніи Безбородки и далѣе, въ нѣсколькихъ письмахъ, Завадовскій насмѣхался надъ своимъ „пріателемъ“, постоянно говорившимъ о желаніи подать въ отставку и никогда не рѣшающимся на этотъ шагъ. „Что онъ самъ говорить, считай за совершенную пустошь“ и т. п.

Однако болѣзненное состояніе Безбородки принимало все болѣе серьезный характеръ. Подробно, съ которою Завадовскій въ своихъ письмахъ къ Воронцовымъ останавливается на этомъ предметѣ, свидѣтельствуетъ о его привязанности къ умирающему „пріателю“. Несмотря на очень невысокое понятіе Завадовскаго о характерѣ Безбородки, ему было жалко разстаться съ нимъ, и онъ, по своему обыкновенію, въ подобныхъ случаяхъ описывалъ свое горе. 15-го января 1799 года онъ писалъ: „Сегодня—завтра предвижу разставаться съ княземъ и, по свычкѣ во всю жизнь, убиваясь сердечною чувствительностью. Противъ своего состава, и отъ натуры крѣпкаго, онъ самъ вседневно воевалъ, доколя невоздержность въ похотяхъ плотскихъ не повергла въ изнуреніе, въ которомъ его видишь. Умъ небесный еще въ немъ блещетъ, но брѣнная хранина валится. Человѣкъ—чудное твореніе! Своею

¹⁾ См. главу: „Вопросъ о престолонаслѣдіи“ въ моемъ сочиненіи о Екатеринѣ II, основанную главнымъ образомъ на результатѣ работъ Григоровича, автора біографіи Безбородки.